

НЕФЕДОВСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БЕЗПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА

отд. _____ № _____

О Бѣлозерской обители и ея основателѣ преподобномъ Кириллѣ

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека

И. Житіе св. Кирилла И. В. Бабушкина

Въ 1337 году, въ Москвѣ, въ благочестивой семьѣ родился мальчикъ Косьма. Онъ росъ въ добродѣтели и былъ любимъ всѣми. Родители его скончались рано, поручивъ отрока богатому и знатному сроднику своему, великокняжескому вельможѣ Тимоѳею Волуевичу. Вскорѣ по смерти родителей Косьма почувствовалъ призваніе къ иноческой жизни, но игумены монастырей не рѣшались постричь его, потому что боялись вельможи Тимоѳея. Тимоѳей любилъ юношу за его добрыя свойства, и когда онъ возмужалъ, поручилъ ему управленіе своими имѣніями; потому разстаться съ нимъ Тимоѳею было тяжело. Косьма затаилъ завѣтное желаніе въ глубинѣ сердца и покорно ждалъ, когда Господу угодно будетъ удостоить его образа иноческаго, а пока старался воспитать себя въ духѣ подвижничества: постился, усердно

молился, прилежно посѣщаль храмы Божіи, творилъ милостыню, хранилъ чистоту тѣлесную, украшалъ себя незлобіемъ и смиреніемъ.

Наконецъ Богъ помогъ исполниться его желанію. Въ Москву пришелъ игумень Махрищской обители *) Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный святостью своего житія. Узнавъ о прибытіи Стефана, Косьма явился къ нему, припалъ къ ногамъ его и слезно молилъ о постриженіи.

— «Какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ!» подумалъ Стефанъ, облекъ Косьму въ иноческое одѣяніе и назвалъ его Кирилломъ; но пострига не совершилъ, предоставляя дальнейшую судьбу новонареченнаго волѣ Божіей.

Затѣмъ Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею. Тимоѳею глубоко уважалъ преподобнаго, вышелъ къ нему на встрѣчу и просилъ благословенія себѣ и семьѣ своей.

— «Богомолецъ вашъ Кириллъ да благословить васъ!» сказалъ Стефанъ.

— «Какой Кириллъ?» спросилъ удивленный Тимоѳей.

— «Бывшій сродникъ вашъ Косьма—отвѣчалъ Стефанъ,—а нынѣ инокъ, Господу работникъ и о васъ молещикъ».

*) Обитель эта находилась верстахъ въ тридцати отъ Троицкой лавры.

Тяжко отозвались эти слова въ сердцѣ Тимооея, и онъ сталъ грубо упрекать игумена.

— «Иже аще не приѣмлетъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ», отвѣтилъ на эти упреки Стефанъ, вспоминая слова Христовы (Матѳ. 10, 14), «исходяще изъ дому, отрясите прахъ ногъ вашихъ»!.. и вышелъ.

Узнала о случившемся жена Тимооея, Ирина, и стала увѣщевать мужа: «Возможно ли оскорблять такого святого человѣка!» говорила она.

Тимооей раскаялся. Призвавъ къ себѣ Стефана, онъ просилъ у него прощенія и заявилъ, что предоставляетъ Косьмѣ поступить по желанію. Стефанъ спѣшилъ принести добрую вѣсть Кириллу, который возвеселился духомъ, воздалъ хвалу Богу, благодарилъ Тимооея и просилъ Стефана наставить его на дальнѣйшіе подвиги.

Игуменъ повелъ его въ московскій «Новый Симоновъ» монастырь, къ архимандриту Феодору, племяннику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Феодоръ постригъ Косьму, при чемъ сохранилъ данное ему Стефаномъ имя—Кириллъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ въ то время славился житіемъ своимъ инокъ Михаилъ (впослѣдствіи епископъ Смоленскій). Ему Феодоръ и поручилъ новаго брата. Кириллъ усердно подражалъ своему наставнику. Ревность его къ трудамъ и воздержанію была такова, что онъ

просиль у старца благословенія—ѣсть только разъ въ два или три дня; но старецъ этого не разрѣшилъ, повелѣвъ ѣсть съ братією, «только не до сытости». Ночью Кирилль вмѣстѣ съ Михаиломъ стоялъ на келейномъ правилѣ, творя поклоны, а въ церковь на утреннюю службу являлся первымъ. Изъ келіи Михаила Кирилль вскорѣ переведенъ былъ на служеніе въ хлѣбню, а затѣмъ въ поварню: носилъ воду, рубилъ дрова, раздавалъ пищу братіи, и, не взирая на утомленіе, проводилъ, по прежнему, ночи на молитвѣ.

Святой Сергій Радонежскій, уже бывший тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ посѣтить племянника своего, архимандрита, и всегда заходилъ къ Кириллу. Они проводили многіе часы наединѣ, бесѣдуя о пользѣ душевной. Всѣ дивились, что Кирилль удостоился такой чести, и стали обращать на него особенное вниманіе; но похвалы тяготили скромнаго инока, и онъ искалъ укрыться отъ нихъ въ тишинѣ и безмолвіи. Видя такое настроеніе Кирилла, архимандритъ помѣстилъ его на нѣкоторое время въ отдѣльную келію, поручивъ ему переписку книгъ; но затѣмъ снова перевелъ въ поварню, гдѣ подвижникъ служилъ братіи 9 лѣтъ. Даже удостоившись священства, пра-

ва церковныя службы на ряду съ прочими іеромонахами. онъ на время, свободное отъ служенія, возвращался къ трудамъ своимъ въ поварню.

Когда архимандритъ Ѳеодоръ посвященъ былъ во епископа Ростовскаго, Кириллъ возведенъ былъ на его мѣсто. Но власть и почетъ тяготили его. Несмотря на просьбы братіи, онъ оставилъ должность настоятеля и уединился въ келіи на подвигъ безмолвія и непрестанной молитвы.

«Но не можетъ свѣтильникъ утаиться подъ спудомъ: чѣмъ болѣе преподобный избѣгалъ почета отъ людей, тѣмъ болѣе прославлялъ его Господь въ людяхъ» *). Отовсюду притекали къ нему и духовные, и міряне, ища назиданія. Видя это, поставленный вмѣсто Кирилла архимандритъ, Сергій, проникся завистью: въ почетѣ, оказываемомъ Кириллу, онъ видѣлъ небреженіе къ себѣ. Узнавъ объ этомъ, преподобный не оскорбился, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго упрека архимандриту, но, полный незлобія и смиренія, удалился въ ближній монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы **).

*) Четив-Минив Св. Дмитрія Ростовскаго. Іюнь.]

***) Монастырь этотъ называли также «Старымъ Симоновымъ», такъ какъ въ 1370 г. онъ основанъ былъ преподобнымъ Сергіемъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ нѣкоему Симону. Первымъ его игуменомъ былъ тотъ же Ѳеодоръ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ

Тутъ запало ему въ душу желаніе уйти подальше отъ міра и соблазновъ мірскихъ — въ пустыню. Сталь онъ усердно молиться Богу и Пречистой Богоматери: «Настави меня, укажи мнѣ, куда итти, покажи мнѣ мѣсто, ко спасенію удобное». И услышалъ Господь моленіе угодника своего.

Преподобный имѣлъ обычай каждую ночь пѣть акаѳистъ предъ иконою Богородицы; и вотъ однажды, дойдя до словъ акаѳиста: «Странное рождество видѣвше, устранимся міра, умъ на небеса преложше»... онъ умилился сердцемъ, весь отдался любимому помыслу: «какъ бы дѣйствительно, устранившись отъ всякой суеты мірской, поработать Господу въ уединеніи» и съ новымъ усердіемъ сталь молить Пресвятую Дѣву, да наставитъ его на путь спасенія. Вдругъ слышитъ онъ виѣ келіи какъ бы издалека призывающей голосъ: «Кирилль, иди на Бѣлоозеро, тамъ найдешь покой душевный, тамъ уготовала Я тебѣ мѣсто, гдѣ обрящешь спасеніе». Преподобный бросился къ окну и пораженъ былъ чуднымъ видѣніемъ: на сѣверѣ увидалъ онъ ярко озаренную не-

(1379 г.) Феодоръ основалъ рядомъ другой монастырь, именуемый «Новымъ Симоновымъ», въ который первоначально и приведенъ былъ св. Кирилль. Старый Симоновъ монастырь упраздненъ, церковь же его въ память Рождества Пресвятыя Богородицы существуетъ до сихъ поръ.

знакомую мѣстность, и лучъ свѣта, опускаясь съ небесъ, какъ бы указывалъ на нее. Пораженный радостнымъ трепетомъ, долго стоялъ Кирилль у окна, вглядываясь въ сіяющую даль... Когда же видѣніе исчезло, сердце Кирилла исполнилось неизреченной радости. Полный благоговѣнія, докончилъ онъ прерванный акаѳистъ и весь остатокъ ночи провелъ безъ сна въ горячей молитвѣ.

Въ Рождественскомъ монастырѣ жилъ въ то время инокъ Терапонтъ, постриженный въ монашество одновременно съ Кирилломъ. Онъ бывалъ на Бѣлоозерѣ.

— «Есть ли тамъ мѣста, удобныя для безмолвнаго житія?» спросилъ его Кирилль.

— «Много тамъ мѣстъ, удобныхъ для уединенія», отвѣчалъ Терапонтъ.

Кирилль предложилъ Терапонту вмѣстѣ итти на Бѣлоозеро. Пройдя долгій путь, благочестивые иноки пришли въ желанный край; но Кирилль долго бродилъ по нему, не находя мѣстности, указанной ему въ видѣніи, пока однажды не набрелъ на берега озера Сиверскаго, на «мѣсто, огражденное водами яко стѣною», гдѣ нынѣ стоитъ святая обитель Бѣлозерская.

— «Вотъ мѣсто успокоенія моего», воскликнулъ Кирилль: «здѣсь поселюсь по указанію Пречистой Матери Божіей. Благословенъ от-

нынѣ и до вѣка Господь Богъ, услышавшій моленіе раба своего!», водрузилъ крестъ и, пропѣвъ хвалебный канонъ Богородицѣ, впервые разсказалъ Ѳерапонту о своемъ видѣніи.

Пришельцы выкопали себѣ землянку и сначала жили въ ней вмѣстѣ, но вскорѣ разстались, «ища полного безмолвія». Ѳерапонтъ поселился верстахъ въ 15-ти, близъ озера Павскаго, на мѣстѣ, гдѣ внослѣдствіи тоже возникла обитель (въ память Рождества Богородицы), нынѣ упраздненная и обращенная въ приходскую церковь, но славная въ лѣтописяхъ нашего монашества подъ именемъ «монастыря Ѳерапонтова».

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ на Сиверское озеро. Тридцать лѣтъ монастырской жизни воспитали въ немъ силу воли, готовую на трудные подвиги. Въ возрастѣ, когда другіе кончаютъ земное поприще, преподобный, бодрый духомъ и тѣломъ, еще смѣло выступаетъ на поприще духовнаго просвѣщенія обширнаго края Бѣлозерскаго.

Усердно проходилъ угодникъ Божій подвиги пустыннаго житія. Но вотъ однажды на убѣжище его случайно набрали два благочестивые христіанина — Авксентій Воронъ и Матвеей Кукось. Изумленные житіемъ преподобнаго, глубоко потрясенные его бесѣдой, они стали

посѣщать его ради поученія и благословенія. Они же рассказали святому, что за много лѣтъ до его прибытія, на мѣстѣ, имъ избранномъ, жившій неподалеку земледѣлецъ Исаія и многіе люди часто, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, слышали звонъ и дивное пѣніе, и не разъ приходили посмотреть—откуда этотъ звонъ, откуда голоса? Но видѣть имъ ничего не удавалось, и они каждый разъ уходили въ трепетъ и недоумѣніи.

Вскорѣ слава о святомъ старцѣ распространилась далеко, и къ нему стали приходять жаждущіе пользы душамъ своимъ. Многіе просили разрѣшенія поселиться при немъ; пришли къ нему и два «любезные и единомысленные» ему инока Симонова монастыря, прося принять ихъ въ сожительство. Всѣ искали наставленій преподобнаго, искали себѣ въ немъ руководителя, отца духовнаго. Напрасно Кириллъ уклонялся, напрасно въ искреннемъ смиреніи заявлялъ, что не ему, грѣшному и недостойному, руководить ближними въ трудахъ спасенія; «побѣждаемый братолюбіемъ и желаніемъ спасенія душъ человѣческихъ», онъ наконецъ сталъ принимать братію. Вокругъ скромнаго жилища угодника Божія возникли келіи учениковъ его.

Вскорѣ братія стала думать—какъ бы воздвигнуть церковь для общей молитвы? Лѣса

много вокругъ, но между отшельниками не было плотниковъ. Св. Кирилль усердно молилъ Богоматерь о помощи, и вотъ однажды пришли откуда-то никѣмъ не званые плотники и соорудили церковь въ память Успенія Пресвятой Богородицы. Такъ положено было основаніе монастырю Бѣлозерскому.

Преподобный много заботился о духовномъ преуспѣяніи обители и съ самаго начала установилъ въ ней твердыя правила благочестиваго общежитія. Инокъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго личнаго имущества; всѣ иноки трудились, но плоды трудовъ братскихъ отдавались въ общую монастырскую казну, — изъ нея иноки получали все имъ потребное безъ излишества. Пища полагалась самая скудная; какъ питье, допускалась только вода, да и той никто въ келіи своей не держалъ: чувствуя жажду, инокъ, чтобы утолить ее, долженъ былъ итти въ трапезу. Инокамъ запрещалось посѣщать другъ друга безъ крайней надобности. Преподобный училъ братьевъ бесѣдовать между собою только въ духѣ Священнаго Писанія, воздерживаясь отъ собственнаго любомудрія, и т. д.

Въ высококомъ подвижничествѣ св. Кирилль прожилъ до глубокой старости и еще при жизни получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Скон-

чался онъ, имѣя 90 лѣтъ отъ роду. Въ день смерти, чувствуя близкую кончину, преподобный призывалъ къ себѣ всю братію (53 человекъ). Иноки рыдали, скорбя объ отходящемъ и объ обители, опасаясь, что она оскудѣетъ безъ славнаго своего основателя. Кириллъ утѣшалъ ихъ: «Не скорбите, братія и дѣти, мѣсто это не оскудѣетъ, только любовь имѣйте между собою. Уже часъ мнѣ почити о Господѣ. Предаю васъ Богу и Пречистой Матери Его: Они да сохранять васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго». Тутъ же преподобный назначилъ одного изъ иноковъ—Иннокентія—своимъ преемникомъ, игуменомъ. Братія подходили къ умирающему; онъ всѣмъ оставлялъ послѣднее благословеніе и у всѣхъ просилъ прощенія. Затѣмъ причастился Св. Таинъ и тихо отдалъ Господу свою святую душу. Тѣло его было предано землѣ 9-го іюня 1427 года.

Таковъ былъ великій угодникъ Божій, основатель обители Бѣлозерской. Ознакомимся теперь съ самой обителью, имъ основанной.

II. Обитель св. Кирилла.

Обитель Бѣлозерская лежитъ въ отдаленномъ краѣ Новгородской губерніи, прилежающемъ къ губерніи Вологодской, и гораздо бли-

же къ Вологдѣ, чѣмъ къ Новгороду; именно отъ Новгорода до нея 600 верстъ, отъ Вологды же только 120.

Монастырь окруженъ водою; стѣны его съ южной стороны высятся какъ бы прямо изъ водъ озера Сиверскаго, которое тянется верстъ на пять или на шесть, а въ ширину имѣеть не болѣе версты. Посрединѣ этого озера, противъ монастыря—небольшой островокъ, и на немъ деревянный крестъ, по преданію—водруженный преподобнымъ Кирилломъ. Невдалекѣ еще два озера—Бабье и Долгое. Между озерами вездѣ подымаются лѣсистые пригорки. Высоко надъ всей окрестностью красуется справа, за Сиверскимъ озеромъ, гора Маурина, или Маура.

Монастырь обнесенъ обширною стѣной (716 сажень въ окружности), которая съ востока, съвера и запада имѣеть 16 аршинъ въ вышину, и только съ юга, гдѣ монастырь прилегаетъ къ озеру Сиверскому, понижается до 9-ти аршинъ.

Шестнадцати-аршинныя стѣны имѣють сажени три толщины въ основаніи и построены въ три яруса. Въ нижнемъ прежде находились кузни, амбары, разныя службы, а лѣтъ тридцать — сорокъ тому назадъ тамъ еще хранилась казенная соль; во второмъ и третьемъ

ярусахъ устроены просторные ходы (галле-рей). Къ стѣнамъ примыкаютъ нѣсколько башенъ различной величины; однѣхъ большихъ башенъ десять. Всѣхъ величественнѣе «Московская», о 15 граняхъ, въ нѣсколько ярусовъ; съ 25-ти саженой высоты ея открывается прекрасный видъ на окрестность. Теперь всходить можно только на немногя изъ башенъ, такъ какъ внутри онѣ сильно пострадали отъ времени, а встарину — насколько можно судить по сохранившимся остаткамъ — всѣ онѣ снабжены были внутренними лѣстницами и заключали въ себѣ по нѣскольку помѣщений. Въ этихъ башняхъ устроены были и тѣ страшные *каменные мѣшки*, въ которыхъ томились присылаемые въ монастырь преступники, опальные люди, а также плѣнные. «Мѣшокъ» представлялъ собою глубокое, узкое пространство, какъ бы колодезь, въ который опускался узникъ.

Крѣпкія стѣны и грозныя башни вмѣстѣ имѣютъ вполне видъ старинной крѣпости — кремля. Древнѣйшіе изъ монастырей нашихъ, возникавшіе на окраинахъ, всѣ почти строились такимъ образомъ; и не даромъ: они нерѣдко подвергались нападенію враговъ земли Русской и служили ей оплотомъ. Въ 1612 году, когда Троицкая лавра выдержала зна-

менитую осаду *), Поляки (Литовцы) подступали и къ Кириллову монастырю. Въ этомъ году, пишетъ лѣтописецъ, «литва въ 20-й день августа подходила подъ Кирилловъ монастырь и выжгла многое въ немъ»; а «въ слѣдующемъ году, сентября въ 22 день, литва выжгла Вологду и опять приступала къ монастырю ночью на 5 декабря, а затѣмъ ночью на 11 декабря, но была отбита». На западной сторонѣ Сиверскаго озера до сихъ поръ показываютъ одинокій холмъ, называемый Золотухой, на которомъ стоялъ лагерь непріятели и гдѣ ядромъ съ башни монастырской былъ убитъ вражескій воевода. Въ 1633 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ счелъ необходимымъ возобновить пострадавшія стѣны монастырскія; онѣ строились 33 года, окончены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1666 году и стоили большихъ денегъ и много труда.

Укрѣпленный такимъ образомъ монастырь Бѣлозерскій могъ дѣйствительно считаться первостепенною твердынею. Кромѣ царскихъ стрѣльцовъ, онъ вооружалъ при надобности и собственныхъ ратниковъ изъ приписанныхъ къ нему 20,000 крестьянъ. Изъ грамотъ, хранящихся въ обители, видно, что въ смутный XVII

*) Изданіе Коммисіи «Свято-Троицкая Сергіева лавра. Ея значеніе въ жизни Русскаго народа». Цѣна 12 коп.

вѣкъ обитель не разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами. По описи 1668 г. по стѣнамъ ея разставлено было до десяти пушекъ большого калибра (въ 80 и болѣе пудовъ) и до 20-ти средняго (въ 40—50 пуд.). Каждая пушка носила свое названіе: «Порывай», «Задоръ», «Полканъ» и тому подобныя. Пороха хранилось въ монастырѣ 300 пудовъ, ядеръ 3000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, пищалей турецкихъ и шведскихъ 350, столько же карабиновъ, до 600 пистолетовъ, кромѣ того разныя сабли, бердыши, кинжалы.

Вступивъ внутрь этого кремля черезъ главные ворота, расположенныя подъ Казанской башней, посрединѣ сѣверной стѣны, увидите сначала обширный древній монастырскій дворъ, нынѣ обращенный въ поле и засѣянный хлѣбомъ. Только по сторонамъ этого двора еще уцѣлѣли слѣды стоявшихъ въ немъ нѣкогда келій. По развалинамъ можно предполагать, что келіи эти построены были безъ трубъ и топились «по черному», какъ курныя избы, такъ какъ потолки ихъ покрыты копотью; отъ половъ слѣдовъ не осталось; освѣщались келіи тускло маленькими окнами. Полагаютъ, что собственно братія монастырская въ нихъ не жила, а онѣ предоставлялись служите-

лямъ монастырскимъ, преимущественно же ратникамъ, защитникамъ монастырскаго кремля.

Въ глубинѣ древняго двора, за постройками, виднѣется вторая, внутренняя стѣна, тоже снабженная башнями. Она составлена собственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ келій, теперь большею частью запустѣвшихъ. Слѣва стѣна эта не прилегаетъ къ большой стѣнѣ, а упирается въ невысокую каменную ограду, за которой виднѣется одинокій холмъ, осѣненный вѣковыми соснами. На холмѣ двѣ церкви и двѣ часовни. Это совершенно отдѣльная часть обители, называемая «Ивановскимъ монастыремъ».

Пройдя внутреннюю стѣну и «Ивановскій монастырь», вступаешь въ самую обитель Бѣлозерскую. Входятъ въ нее Святыми воротами, расположенными подъ церковью во имя Іоанна Лѣствичника и Θεодора Стратилата. Поставлена эта церковь царемъ Іоанномъ Грознымъ, — именами тѣхъ же святыхъ наречены были два его сына. Замѣчательна запись монастырская о вкладѣ царевича Іоанна: «Царевичъ князь Иванъ Ивановичъ пожаловалъ въ домъ Пречистой Богоматери и Чудотворца Кирилла тысячу рублей игумену съ братією, и должны они за князя Иваново здравіе молити... А благоволитъ Богъ, царевичъ князь Иванъ

Ивановичъ похочеть постричься, и намъ царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ; а если, по грѣхамъ, царевича Ивана не станеть, то и поминати». Запись эта значитесь подь 1570 годомъ, сдѣлана слѣдовательно въ пору самыхъ страшныхъ казней Иоанновыхъ... Быть можетъ, напуганный ими, царевичъ думалъ укрыться въ стѣнахъ обители.

Ворота, расположенныя подь этой церковью, украшены изображеніями событій изъ жизни угодника Божія Кирилла. За ними передь богомольцемъ открываются храмы, колокольни, зданія монастыря, его сады, огороды, покосы и рѣчка. Но особенно привлекаетъ вниманіе древній, уже нѣсколько ушедшій въ землю, соборъ Успенія Богородицы, какъ бы сросшійся съ пятью другими церквями, соединенными подь общей крышей съ нѣсколькими куполами. Древность собора и святыни привлекають къ нему сердца богомольцевъ. Изъ подь широкой арки, отдѣляющей полуразрушенную паперть отъ собора, открывается вся его внутренность и древній иконостась, простотою своей живо напоминающій вѣка давно минувшіе. Иконы его разставлены въ нѣсколько ярусовъ на полкахъ; иконы нижняго ряда—древняго письма; храмовая же икона Успенія писана знаменитымъ иконописцемъ временъ Дмитрія Донскаго, Ан-

дреемъ Рублевымъ. Среброкованная съ филиграновыми украшеніями царскія врата, какъ видно по надписи надъ ними, пожертвованы царемъ Михайломъ Ѳеодоровичемъ. По лѣвую сторону этихъ вратъ, въ кипарисномъ позлащенномъ кивотѣ, стоитъ великое сокровище—икона Богоматери Одигитрии, та самая, предъ которой молился преподобный Кириллъ, когда услышалъ дивный гласъ, призвавшій его въ края Бѣлозерскіе. Она богато украшена дарами царя Іоанна Васильевича и первой супруги его Анастасіи Романовны, а также и другихъ лицъ.

Мощи преподобнаго покоятся въ среброкованной рацѣ, въ отдѣльной церкви, построенной во имя его и примыкающей къ собору съ южной стороны. Рака, какъ значится въ надписи на ней, сооружена въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича усердіемъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, постригнагося въ обители Кирилловой подъ именемъ Ѳеодосія.

Между описаннымъ холоднымъ соборомъ Успенія и теплымъ Введенія стоитъ ветхій храмъ Архангела Гавріила (съ придѣломъ во имя святыхъ Константина и Елены), сооруженный великимъ княземъ Василиемъ Іоанновичемъ. Вмѣстѣ съ супругою своею Еленою, изъ рода Глинскихъ, ходилъ онъ на богомолье въ монастырь Кирилловъ, чтобы испросить себѣ

сына, наслѣдника Русскому престолу, и родился у него сынъ Іоаннъ, впоследствии прозванный Грознымъ. Память объ этомъ событіи Государь выразилъ не только построениемъ въ обители этого храма и другаго на Ивановой горѣ (о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ), но еще тѣмъ, что, умирая, постригся въ схиму инокомъ обители Кирилловой, принявъ имя «Варлаамъ». Царь Іоаннъ также три раза посѣщалъ обитель преподобнаго и скончался постриженникомъ ея, «схимонахомъ Іоною».

Теплый соборъ Введенія, устроенный изъ древней трапезы, къ сожалѣнію, передѣланъ на новый ладь и утратилъ священное благолѣпіе старины. Въ былое время въ этой трапезной совершались царскія заздравныя и поминальныя трапезы, которыя такъ часто повторялись въ монастырѣ Кирилловѣ, что для нихъ существовалъ тамъ особый чинъ. Здѣсь не разъ возсѣдалъ съ братією грозный Іоаннъ. На столпѣ посреди храма обращаетъ на себя вниманіе очень древняя икона Умиленія Богоматери, великолѣпно украшенная яхонтами, изумрудами и жемчугомъ— даръ благочестивой княгини Ефросиніи, въ инокиняхъ Евдокии, супруги князя Андрея Ивановича Старицкаго, дяди Грознаго.

Изъ двухъ остальныхъ церквей, связанныхъ

съ соборомъ Успенія, одна сооружена была надъ родовою усыпальницею князей Воротынскихъ, другая надъ гробницами князей Телятевскихъ. Изъ погребенныхъ здѣсь Воротынскихъ особенно замѣчателенъ князь Михайль, прозванный за свои подвиги во время осады Казани «слугой Государевымъ», но затѣмъ попавшій въ опалу и сосланный въ Кирилловъ монастырь вмѣстѣ съ іереемъ Сильвестромъ и другими дѣятелями первыхъ, славныхъ лѣтъ царствованія Іоанна Грознаго. Черезъ 3 года онъ былъ прощенъ и успѣлъ оказать новую услугу отечеству, разгромивъ полчища хана крымскаго Девлетъ-Гирея (подъ Москвою на р. Лопаснѣ). Не прошло, однако, и года послѣ этой побѣды, какъ Воротынскаго опять схватили, со словъ бѣглаго холопа обвинили въ ворожбѣ, пытали и, наконецъ, полуживаго опять повезли въ заточеніе на Бѣлоозеро. Туда прибыло, однако, только тѣло доблестнаго князя Михаила: онъ умеръ на пути, въ городѣ Каширѣ.

Кромѣ Воротынскихъ и Телятевскихъ много вкладовъ дѣлали въ обитель еще бояре Шереметевы. Два знаменитыхъ представителя этого рода проходили въ ней иноческое житіе. Туда укрылся и принялъ монашество въ дни Іоанновы воевода Иванъ Васильевичъ, прозваніемъ Большой, который неоднократно по-

ражалъ полчища татаръ ордынскихъ, казанскихъ и крымскихъ, а на сдѣланный ему грознымъ царемъ въ темницѣ вопросъ:

— «Гдѣ сокровища твои?», могъ отвѣтить:

— «Руками нищихъ я переслалъ ихъ къ моему Христу Спасу».

Другой Шереметевъ, бояринъ Ѳеодоръ Ивановичъ, послѣ смутнаго времени призывавшій на царство юнаго Михаила Ѳеодоровича, участвовавшій во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ его, въ глубокой старости пришелъ въ обитель Кириллову и скончался въ ней у гроба преподобнаго, принявъ схиму подъ именемъ Ѳеодосія. Мы уже указывали, что имъ сооружена и рака св. Кирилла (стр. 20). Оба эти Шереметевы, полагаютъ, похоронены были на паперти Успенскаго собора, но могильныя плиты ихъ не сохранились.

Еще объ одномъ знаменитомъ челоѣкѣ напоминаетъ монастырь Кирилловъ — о великомъ патріархѣ Никонѣ. Самовольно оставивъ престоль патріаршій, Никонъ восемь лѣтъ жилъ въ любимомъ, имъ же устроенномъ, монастырѣ Воскресенскомъ, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Новаго Иерусалима. Но въ 1666 году судъ, для котораго царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, осудилъ такое самовольное оста-

вление святительскаго престола, и Никонъ со-сланъ былъ въ Терапонтвъ монастырь простымъ монахомъ. Десять лѣтъ прожилъ онъ здѣсь, когда до патріарха Іоакима дошелъ слухъ, будто изгнанникъ въ обители Терапонтвой живетъ въ почетѣ, будто ближніе люди не перестаютъ величать его патріархомъ. Тогда изъ Терапонтвой обители Никона перевели въ Кириллову.

Наконецъ, внимая напоминаніямъ немногихъ вѣрныхъ друзей Никона, а также голосу собственнаго сердца,—крестникъ Никона, царь Θεодоръ Алексѣевичъ, облегчилъ участь страдальца: сначала онъ утѣшилъ его собственноручнымъ письмомъ и возвращеніемъ къ нему близкихъ ему лицъ, а затѣмъ вскорѣ, съ благословенія патріарха Іоакима, рѣшился отпустить старца въ дорогую ему обитель, Новый Іерусалимъ.

Въ юго-восточномъ углу обители стоитъ небольшая церковь во имя св. Евоимія Великаго, построенная въ 1653 году при тогдашнихъ больничныхъ келіяхъ. Церковь эта теперь упразднена. Съ боку къ ней пристроено маленькое помѣщеніе, которое въ настоящее время обращено въ кладовую. Это помѣщеніе нѣкогда служило молитвенною храминою Никона. Церковь св. Евоимія была ближайшею

къ его келіи и онъ слушалъ въ ней службы, стоя въ прилегающей къ ней храминѣ отдѣльно отъ другихъ.

За церковью св. Евѳимія, между больничнымъ корпусомъ и келіями намѣстника,—выходъ изъ внутренней ограды къ отдѣльному «Ивановскому монастырю» (стр. 18) Какъ мы уже сказали, онъ расположенъ въ западномъ углу перваго двора на лѣсистомъ холмѣ, прилежающемъ съ одной стороны къ западной стѣнѣ монастырскаго кремля, съ другой—къ зданіямъ, которыми запусѣлый первый дворъ отдѣляется отъ самой обители. Этотъ холмъ—священный холмъ: въ немъ была ископана та землянка, въ которой, придя на мѣсто, указанное Богоматерью, первоначально поселились св. Кирилль и св. Ѳерапонтъ. Слѣды ея окончательно разрушились въ 1764 г., когда надъ нею соорудили тяжелый каменный навѣсъ, теперь осѣняющій часовню, которую нѣкоторые признають за позднѣйшую келію преподобнаго. Другая часовня на томъ же холмѣ, также охраняемая каменнымъ навѣсомъ, по преданію, срублена самимъ Кирилломъ изъ сосноваго лѣса. Въ ней не болѣе квадратной сажени. Здѣсь, какъ полагають, преподобнымъ и первыми сподвижниками его совершалось богослуженіе, пока молитвами ихъ не-

званные плотники не построили братіи первую брусяную церковь (стр. 12). Возлѣ часовень два креста, высотой въ сажень: одинъ четвероконечный, другой осьмиконечный. Оба они водружены преподобнымъ. На стѣнѣ противъ нихъ полустертыя иконы: одна изображаетъ видѣніе, призвавшее св. Кирилла изъ Рождественскаго монастыря въ страну Ыѣлозерскую, другая — спутника Кириллова, св. Оерапонта. Иконы эти напоминаютъ, что собственно холмъ Ивановскаго монастыря должно признать колыбелью славной обители.

На холмѣ двѣ церкви: одна во имя св. Іоанна Предтечи съ придѣломъ во имя преподобнаго Кирилла, другая (съ трапезою) во имя святаго Сергія. Въ ветхомъ синодикѣ монастырскомъ читаемъ: «Лѣта 7040 (1532), Декабря 13-го, священны были въ Кирилловѣ четыре престола, два въ монастырѣ и два на горѣ, въ одинъ день: въ монастырѣ соборъ Архангела Гавріила да царей Константина и Елены, а на горѣ—Усѣкновенія Предтечи да чудотворца Кирилла; а освящаль владыка вологодскій Алексій». Изъ этого ясно, что великій князь Василій Іоанновичъ соорудилъ въ одно время два храма: упомянутый выше храмъ Архангела, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ во имя ангела своей супруги; да

на самомъ холмѣ препо. Чаго—храмъ во имя ангела новорожденнаго сына, Иоанна, съ придѣломъ во имя св. Кирилла, молитвами котораго испрошенъ былъ младенецъ; и всѣ четыре престола, устроенные въ память одного событія, освящены въ одинъ день. А такъ какъ Иоаннъ крещенъ былъ у раки преподобнаго Сергія, то есть вѣроятіе, что другая церковь сооружена на холмѣ Кирилловомъ въ память этого событія, если не Василиемъ Иоанновичемъ, то позже—самимъ Иоанномъ.

Теперь обѣ церкви—и Предтеченская и Сергіевская—къ сожалѣнію пришли въ совершенную ветхость; трапеза при храмѣ св. Сергія даже обращена въ кладовую.

Да и весь монастырь находится въ очевидномъ упадкѣ, представляя собою только остатки прежняго величія. А въ прежнее время монастырь былъ не только святыней и крѣпостью: въ немъ процвѣтали еще промыслы и мастерства разнаго рода. Изъ грамоты 1646 года узнаемъ, на примѣръ, что царь Алексѣй Михайловичъ, нуждаясь въ каменщикахъ и кирпичникахъ, приказывалъ взять ихъ изъ Кириллова монастыря, «которые и напередъ сего его каменное дѣло дѣлывали».

Изъ остатковъ старины въ обители отмѣтимъ, кромѣ храмовъ, еще *ризицу*. Въ ней много

драгоцѣнныхъ облаченій, церковной утвари,— все это добротныя пожертвованія благочестивыхъ царей и князей Русскихъ и боголюбивыхъ мірянъ. Особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ великолѣпное кадило серебряное, вызолоченное; на немъ пять главъ церковныхъ; около кадилаго жерла—изображенія семи первыхъ діаконъ христіанской церкви. Замѣчательны также: покровъ на гробницу преподобнаго Кирилла съ его изображеніемъ и ризы бархатныя, перешитыя изъ порфиры Бориса Годунова. Особенно же драгоцѣнны:

1) Изображеніе св. Кирилла, писанное съ него при жизни святымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, который скончался десять лѣтъ спустя послѣ Кирилла. Глубокое благоговѣніе внушаютъ величаво-спокойныя, многотумныя черты преподобнаго.

2) Фелонь и подризникъ преподобнаго.

3) Деревянные красные сосуды—дискось и потиръ—съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, точно такіе же, какіе были у св. Сергія. Они, вѣроятно, употреблялись преподобнымъ Кирилломъ при богослуженіи.

4) Овчинный тулупъ чудотворца, широкій, съ петлями; его же:

5) шерстяная шапка,

6) костыль орѣховаго дерева,

- 7) кожаная котомка,
- 8) кожаный поясъ съ деревянною пряжкой,
- 9) двѣ чаши мѣдныя,
- 10) деревянный крестъ;
- 11) духовное завѣщаніе преподобнаго, которымъ онъ поручалъ монастырь покровительству князя Андрея Дмитріевича, и
- 12) Святцы, писанныя его рукою.

На переписку священныхъ книгъ въ древнія времена смотрѣли, какъ на дѣло богоугодное; переписчикъ подготовлялся къ труду своему постомъ и молитвою. И преподобный Кирилль переписалъ нѣсколько такихъ книгъ своею рукою; книги эти до сихъ поръ хранятся въ библіотекѣ Кириллова монастыря. Кромѣ этихъ рукописей, тамъ было много и древнихъ книгъ, печатанныхъ въ то время, когда книгопечатаніе едва начало распространяться на Руси; но книги эти перевезены нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ библіотеку С.-Петербуржской духовной академіи.

Въ томъ же зданіи, гдѣ хранятся рукописи—мирные свидѣтели духовной жизни иноковъ Кирилловой обители,—хранится и *запасъ древняго оружія*, которымъ монастырскіе воины отражали Поляковъ. Оружія эти, которые съ трудомъ приподынешь, говорятъ о силѣ древнихъ богатырей.

III. Бѣлозерскій край.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ, который часто задаютъ слушающіе рассказы о монастырѣ св. Кирилла: «отчего онъ называется Бѣлозерскимъ, если стоитъ на озерѣ Сиверскомъ?»

Весь обширный край къ сѣверу, востоку и югу отъ Бѣлоозера, съ нынѣшними городами Каргополемъ, Устюгомъ, Бѣлозерскомъ и Вологдою, составлялъ прежде область «Бѣлозерскую». Она сначала входила въ составъ княжества Ростовскаго. Во время нашествія Батыя съ татарами на Русскую землю, въ несчастной битвѣ на рѣкѣ Сити (1237 г.), въ которой погибъ великій князь Юрій Всеволодовичъ, другой князь—Василій, или Василько Константиновичъ Ростовскій попался въ плѣнъ и былъ замученъ татарами. Его княжество поѣлилось между двумя сыновьями: старшему, Борису, достался край Ростовскій, младшему, Глѣбу— край Бѣлозерскій. Потомки Глѣба уступили потомъ свое княжество князьямъ Московскимъ; но великій князь Московскій Дмитрій Іоанновичъ Донской, умирая, въ 1388 году, завѣщаль Бѣлозерскую область сыну своему Андрею Дмитриевичу Можайскому, о которомъ св. Кириллъ упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи.

«Бѣлозерскимъ» чудотворцемъ св. Кирилль названъ собственно не по имени озера, а какъ просвѣтитель, духовный наставникъ и защитникъ всего края Бѣлозерскаго. Самое Бѣлоозеро находится верстахъ въ 30 — 40 отъ обители Кирилловой.

На пути отъ города Кириллова къ Бѣлоозеру попадается не мало интереснаго.

Мы уже упоминали о горѣ Маурѣ, или Мауринной, отдѣляющей озеро Сиверское отъ долины рѣки Шексны. По преданію народному, именно съ этой горы преподобный Кирилль впервые узрѣлъ мѣсто, предназначенное Богоматерью для его обители. Взойдя на нее, путникъ можетъ насладиться обширнымъ и прекраснымъ видомъ на окрестную даль: съ одной стороны Горицкій женскій монастырь и долина полноводной Шексны, прихотливо извивающейся среди лѣсовъ и луговъ; съ другой — монастырь Кирилловъ съ блестящими куполами его 11-ти церквей, съ могучимъ бѣлокаменнымъ кремлемъ, подымающимся изъ водъ озера Сиверскаго, которое, несмотря на свою пятиверстную длину, теряется среди безчисленныхъ озеръ, разбросанныхъ и вправо и влѣво отъ него, соединенныхъ лентами каналовъ и рѣкъ. Всѣ эти воды сверкаютъ зеркальной поверхностью въ зелени лѣсистыхъ холмовъ, среди луговъ, сре-

ди полосъ ржи и прибрежныхъ песковъ. Вершина самой Мауры совершенно открыта; на ней лежитъ огромный камень, на которомъ виденъ какъ-бы отпечатокъ слѣда человѣческаго. Народное преданіе признаетъ его слѣдомъ ноги св. Кирилла.

Обогнувъ Мауру сначала вдоль озера Сиверскаго, а затѣмъ лѣсистыми пригорками, путешественникъ въ семи верстахъ отъ обители Кирилловой, на берегу Шексны, вступаетъ въ обитель Горицкую, или Горицы. Женскій монастырь этотъ во имя Воскресенія Христова тоже принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ монастырей русскихъ по множеству связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаній. Въ немъ проживали многія инокини царскаго и княжескаго рода, постриженія иногда по собственной волѣ, а чаще по неволѣ при Іоаннѣ Грозномъ и въ смутное время, наступившее послѣ его кончины.

Основанъ Горицкій Воскресенскій монастырь въ 1544 году теткою Іоанна Грознаго, княгинею Евфросиніей, супругою князя Андрея Ивановича Старицкаго, къ землямъ котораго тогда принадлежалъ весь край Бѣлозерскій. Князь Андрей Старицкій не ладилъ съ матерью Грознаго, Еленою, пытался даже завладѣть престоломъ Московскимъ и за это по-

гибѣ въ темницѣ. Примѣръ его не утратилъ княгиню Евфросинію: во время болѣзни Іоанновой она стала домогаться престола для сына своего Владиміра Андреевича. Іоаннъ этого ей не простилъ, и въ 1569 году Евфросинія, вмѣстѣ съ племянницей своей Іуліаніей (вдовою брата Іоаннова, Юрія), должны были постричься; Евфросинія нареклась при этомъ Евдокіей, а Іуліанія—Александрою. Прибыли онѣ въ Горицы, однако, еще съ пышностью княжеской, могли еще осыпать своими благодѣніями соседнюю Бѣлозерскую обитель; но шесть лѣтъ спустя, Іоаннъ приказалъ утопить обѣихъ въ Шекснѣ. Онѣ погребены противъ соборнаго алтаря, въ особой часовнѣ.

Долго жила въ Горицахъ въ заточеніи и вдова Іоанна Грознаго, Марія, мать убіеннаго въ Угличѣ царевича Дмитрія, по смерти сына постриженная въ монашество подъ именемъ Марѳы. Прибывъ туда, несчастная мать построила въ соборѣ Горицкаго монастыря два придѣла: одинъ во имя Богоматери Одигитріи, другой — во имя Кирилла Бѣлозерскаго, дабы въ нихъ приносить Господу молитвы за душу безвременно погибшаго отрока. Но вскорѣ дошла до нея вѣсть о чудесахъ, свершившихся у гроба царевича, о перенесеніи нетлѣнныхъ его мощей въ Московскій Архангельскій со-

боръ; затѣмъ ей дали свободу. Инокія Марѳа водворилась тогда на жительство въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а въ соборѣ Горницкой обители построила третій придѣлъ во имя святаго сына своего. Образъ царевича, присланный ею для этого придѣла, до сихъ поръ стоитъ въ немъ.

Когда Годуновъ воздвигъ гоненіе на родъ Романовыхъ, въ Горницахъ долгое время по неволѣ жилъ съ теткой своей, княгиней Черкасскою, и юный Михаилъ Романовъ, впоследствии царь Михаилъ Ѳеодоровичъ; между тѣмъ какъ отецъ его, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ (впоследствии великій патріархъ Филаретъ) томился въ невольномъ постригѣ въ монастырѣ Сійскомъ, а мать, тоже невольная инокя Марѳа,—въ одномъ изъ погостовъ заонежскихъ. Изъ Горницъ юный Михаилъ переселился въ Кострому, гдѣ жилъ съ матерью, пока вся земля Русская, изстрадавшись отъ внутреннихъ раздоровъ и внѣшнихъ враговъ, отъ самозванцевъ, Поляковъ, Шведовъ и вольницы всякаго рода, не позвала его на царство.

Въ Горницы же сослана была Лжедмитріемъ красавица Ксенія, дочь Годунова.

Къ сожалѣнію, всѣ церкви Горницкой обители передѣланы въ новомъ вкусѣ, и о великомъ ея прошломъ едва напоминаютъ ча-

совня княгини Евфросиніи и Іуліаніи да нѣскольکو древнихъ иконъ.

Если отъ Кириллова монастыря ѣхать на Бѣлозерскъ (40 верстѣ), то башни Кириллова монастыря пропадаютъ изъ глазъ только на 11-й верстѣ; а затѣмъ вскорѣ, по выѣздѣ изъ небольшого села, издали съ пригорка уже открывается Бѣлоозеро. Глинистое дно и малая глубина — нигдѣ не превышающая трехъ сажень — придають озеру бурый цвѣтъ; оно почти непрерывно волнуется и названіемъ вѣроятно обязано бѣлой пѣнѣ своихъ волнъ. Какъ въ длину, такъ и въ ширину, оно имѣетъ верстѣ 60. Въ Бѣлоозеро впадаетъ 26 рѣкъ *), а вытекаетъ изъ озера одна Шексна (потому она и многоводна). Много погибало судовъ и народа въ Бѣлозерѣ, пока въ 1846 г. для обхода его не провели канала. Каналь имѣетъ 63 версты въ длину, глубина его отъ 3 до 4 аршинъ, ширина двѣнадцать аршинъ. Когда обходнаго канала не было, суда, шедшія съ Волги, подымались по Шекснѣ прямо въ Бѣлоозеро и входили въ него у Крохина посада. Теперь же идти бурнымъ озеромъ отваживаются немногіе; семь верстѣ ниже Крохина, т. е. не доходя истока Шексны, въ мѣстѣ, называемомъ

*) Изъ нихъ значительнѣе другихъ Ковжа, соединенная каналомъ съ рѣкою Вытегрою, впадающей въ озеро Онежское.

«Чайка», они вступаютъ въ каналъ и, пройдя каналомъ нѣсколько верстъ къ западу, подходятъ къ городу Бѣлозерску.

Версты за двѣ до Бѣлозерска привлекаетъ вниманіе довольно высокій курганъ, покрытый рѣдкими елями и мѣстами разрытый. По народному преданію, это—могила Синеуса, одного изъ трехъ витязей варяжскихъ, призванныхъ на княженіе въ 862 году Славянами и положившихъ начало государству Русскому. Внявъ призыву, Рюрикъ сталъ княжить въ Новгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, а Синеусъ—на Бѣлоозерѣ.

Бѣлозерскъ расположенъ между каналомъ и озеромъ и, благодаря каналу, очень оживленъ въ судоходное время. Въ немъ, однако, ничего особенно замѣчательнаго нѣтъ; можно развѣ упомянуть о четверугольномъ земляномъ валѣ, сажени въ $3\frac{1}{2}$ — 4 вышиною, который находится въ западной части города. Всѣ четыре стороны вала занимаютъ, до 550 сажень, коегдѣ оставлены промежутки для воротъ; передъ валомъ сухой ровъ. До 1758 года на валу еще стояли деревянные стѣны съ башнями. Внутри этой земляной ограды нѣсколько полуразрушенныхъ зданій и два собора (холодный во имя св. Василія и теплый въ память Преображенія Господня). Этотъ валъ—люби-

мое мѣсто прогулокъ для горожанъ. Дѣйстви-тельно, видъ съ него на Бѣлоозеро очарова-теленъ.

На своемъ настоящемъ мѣстѣ Бѣлозерскъ существуетъ, впрочемъ, только съ 1352 года; раньше онъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, верстъ за семнадцать, и стоялъ онъ тамъ давно: тамъ—какъ мы сейчасъ вспоминали—водворился Си-неусъ; тамъ среди населенія, еще погружен-наго во мракъ язычества, при великомъ князѣ Ярославѣ I Мудромъ, сынѣ Владиміра Свя-таго, просвѣтителя Руси, построена была де-ревянная церковь во имя св. Василия Неке-сарійскаго. Преданіе гласитъ, что при ея освя-щеніи разразилась гроза и молнія ударила въ березу, которой язычники поклонялись, какъ святынѣ. Многіе изъ нихъ, объятые ужасомъ, спѣшили креститься. На новое мѣсто Бѣло-зерскъ переведенъ былъ послѣ сильной моро-вой язвы, которую народъ называлъ «черной смертью». Въ древнемъ Бѣлозерскѣ отъ нея вымерло все населеніе, не осталось въ живыхъ ни одного человѣка.

Мѣсто стараго города еще до сихъ поръ обозначается небольшими буграми. Между ними на мѣстѣ прежней церкви св. Василия, на лѣвомъ берегу Васильевскаго ручья, постав-лена часовня во имя Василия Блаженнаго;

въ ней остатки кирпичной гробницы какого-то князя. По народному повѣрью, здѣсь погребены князя Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, но повѣрье это ошибочно. Мы уже рассказали (стр. 30), какъ послѣ мученической смерти Ростовскаго князя Василя въ плѣну у Татаръ, сыновья его Борисъ и Глѣбъ подѣлили отцовское наслѣдіе: Борисъ взялъ край Ростовскій, Глѣбъ—край Бѣлозерскій. Братья, вмѣстѣ съ другими князьями земли Русской, должны были нести тяжкую долю: ѣздить къ татарскому хану въ орду на поклонъ. Во вторую поѣздку ихъ, въ 1277 году, Борисъ умеръ въ ордѣ. За смертью его всѣ земли отцовскія соединились въ рукахъ Глѣба, и онъ въ слѣдующемъ 1278 году изъ орды отправился уже не на Бѣлозеро, а прямо въ Ростовъ. Въ томъ же году онъ тамъ и скончался, на 42 году отъ рожденія, и погребенъ въ церкви Пресвятыя Богородицы. Надъ каменной гробницей его въ Ростовѣ и по сію пору ежегодно отправляется панихида въ день святыхъ Бориса и Глѣба. Тѣмъ не менѣе, нерѣдко служатъ панихиды по князѣ Глѣбѣ (даже по обоимъ братьямъ Борисѣ и Глѣбѣ) и на мнимой могилѣ ихъ, въ часовнѣ на буграхъ древняго Бѣлозерска *).

*)Этихъ князей. Бориса и Глѣба Васильковичей, не слѣдуетъ

Впрочемъ не даромъ сохранилась въ народѣ память о князѣ Глѣбѣ Васильковичѣ. Лѣтопись представляетъ его ласковымъ, милостивымъ, смиреннымъ, богобоязливымъ, щедрымъ: «брашно свое и питіе нещадно подаяше требующимъ и многу милостыню убогимъ». Татарскіе ханы относились къ нему очень милостиво, а онъ расположеніемъ ихъ пользовался, чтобы по возможности охранять христіанъ отъ притѣсненій слугъ ханскихъ. Имъ основаны Бѣлозерская пустынь на островѣ Кубенскаго озера и Бѣлозерскій монастырь Св. Троицы. Сохранилась память и о его заботахъ по устройству обширнаго Бѣлозерскаго края: имъ прорыты два канала для уничтоженія въ теченіи рѣкъ Вологды и Сухоны большихъ извилинъ, значительно умедлявшихъ плаваніе по этимъ рѣкамъ. Измѣнивъ теченіе, онѣ и донинѣ текутъ по руслу, указанному имъ волею князя, по мѣстностямъ, которыя и на Вологдѣ, и на Сухонѣ съ тѣхъ поръ называются «Княже-Глѣбова крѣпость».

Закончимъ указаніемъ еще на достопримѣчательную по древности деревянную церковь, въ

смѣшивать со святыми князьями Борисомъ Владиміровичемъ и Глѣбомъ Владиміровичемъ, сыновьями св. Равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтителя Руси, погибшими въ 1015 г. отъ убійцъ, подосланныхъ Святополкомъ Окаяннымъ.

память Положенія ризы Богоматери, въ селѣ Бородаевѣ, на пути между Бѣлозерскомъ и Крохинымъ. Ей насчитываютъ 600 лѣтъ. Постройкою она дѣйствительно напоминаетъ самыя древніе храмы; въ ней до сихъ поръ даже вмѣсто колокола сзываетъ православныхъ на церковныя службы било—чугунная доска, въ которую ударяють камнемъ.

Глядя на храмъ этотъ, видишь передъ собою какъ бы образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквицъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ св. угодниковъ, разлившихъ свѣтъ ученія православной вѣры въ дебряхъ нашего сѣвера. Таковъ долженъ былъ быть и первый храмъ обители св. Кирилла, созданный по молитвѣ его вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ впоследствии возникъ нынѣшній, тоже уже обветшалый, соборъ Успенія Пресвятой Богородицы.